

Писать о ленинградской блокаде трудно. О ней достаточно много написано, и поскольку ты не являлся очевидцем тех трагических дней, то, безусловно, будешь вынужден в большей или меньшей степени пересказывать кем-то уже написанное.

Изучая материалы блокадных лет, четко понимаешь, что все рассказанное о ней не может вместить даже ничтожной доли того, что испытали люди ее пережившие. Читая воспоминания очевидцев, проникаясь их горем, однозначно понимаешь, что все рассказанное является лишь вершиной огромного айсберга человеческого страдания.

Ведь людская память всегда работает в щадящем режиме, фиксируя, к счастью, лишь небольшой объем негативной информации и предохраняя таким образом человеческое сознание от чрезмерных травм. В воспоминаниях блокадников иногда встречаются ужасные, нечеловеческие подробности, но даже все кошмары пережитого не могут сравниться с ежедневными монотонными испытаниями, которые выпали на долю тех, кому пришлось прожить три долгих блокадных года.

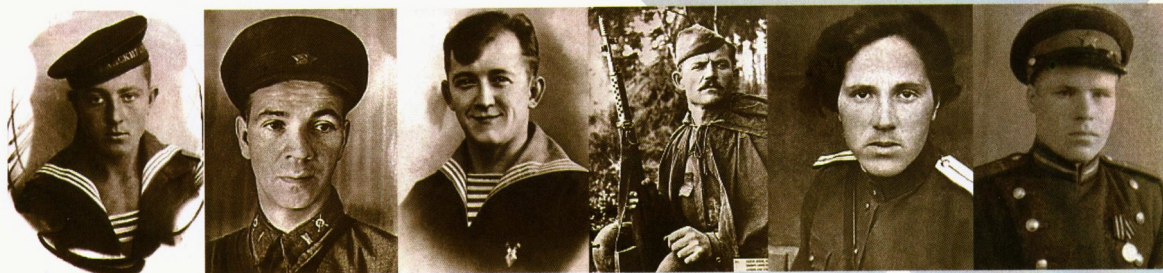
И все рассказанное является лишь крупницей

сознанию, но это была человеческая жизнь – ужасно трудная, сопряженная с постоянными опасностями и лишениями, но все-таки жизнь. На смену утру приходил день, который заканчивался сумерками, а потом ночь вступала в свои права. Люди ложились в промерзшие постели и... видели сны, в которых постоянно снилась еда. Это были мучительные сны, никогда не приносившие отдыха.

Повседневная жизнь ленинградцев была наполнена трудностями и проблемами, о которых в нашей жизни мы даже не вспоминаем, и забот этих было предостаточно. Вот выдержки из дневника, изъятого при аресте у ленинградского учителя А. Винокурова:

Воскресенье, 5 января (1942 года – В. Н.)

Водопровод и канализация не работают уже несколько дней. Воду приходится брать в подвале соседнего дома, подолгу стоять за нею в очереди. Сегодня дворник ходил по квартирам нашего дома и забивал гвоздями двери в уборные. Общественные уборные давно закрыты. Как найти выход из создавшегося положения? Придется подыскать укромное место в каком-нибудь соседнем пустующем здании...

памяти, так как лишь очень немногие вели дневники и оставили свои воспоминания, а сотни тысяч просто погибли, а значит, унесли с собой в братские могилы свидетельства о безмерных страданиях, о которых нам никогда уже не узнать.

При всей чудовищности той действительности это была просто жизнь большого города и, несмотря на все ужасы, люди продолжали существовать – вставали, порой чуть ли не через весь город шли на службу, мерзли в неотапливаемых помещениях, возвращались домой, занимались домашним хозяйством. Люди жили обыденной, повседневной жизнью – любили, ревновали, страдали от измен и потерь и даже рожали детей.

Город тоже продолжал жить – работали многие заводы и фабрики, ученые проводили исследования, создавались научные труды, функционировали городские службы и торговые предприятия, не регулярно, но все же работали кинотеатры, давались представления, художники писали картины, поэты – стихи, а монотонный стук метронома, доносившийся из репродуктора, прерывался передачами ленинградского радио. Все это с трудом укладывается в

Среда, 8 января

Умер преподаватель математики М. В. П. Странно, но в последние дни известия о смерти уже не волнуют, как прежде, смерть теперь – обычное явление. Мы к ней привыкли. На улицах чуть ли не через каждые 100 метров лежат трупы умерших от голода или замерзших. Публика настолько уже к этому привыкла, что все равнодушно проходят мимо...

Воскресенье, 12 января

Каждый день в городе возникают пожары. Воды нет, тушить нечем. Сгорает много больших домов. Предусмотрительная публика укладывает в чемоданы и мешки наиболее ценные вещи, чтобы в случае пожара не окатиться без самого необходимого...

Среда, 15 января

Завтра пойду в школу. Измерил по плану города расстояние от дома до школы. Оно равно приблизительно 6 километрам, туда и обратно, следовательно, около 12 километров. Тяжело будет ходить в такие морозы и при таком питании.

Пятница, 17 января

Ездил на Неву за водой. Привез на саночках четыре ведра. Расстояние от Московского вокзала, близ которого я живу, до Калашниковской набережной около 3-х километров, считая туда и обратно.

Утомляет не столько перевозка воды, как переноска ее из проруби на берег и в квартиру на 3-й этаж.

19 января

Умерла моя соседка С. А. Б. Смертность в городе достигла огромных размеров. За последнюю неделю в нашем доме умерло 12 человек и трое пропали без вести, вероятно, они умерли где-нибудь на улице...

26 января

По-прежнему огромные очереди за хлебом. Надо стоять в очереди с 6–7 час. утра до середины дня, чтобы получить хлеб. Занимать очередь за хлебом после 10 час. утра не имеет смысла, т. к. вечером хлеб в булочные не поступает.

2 февраля

Наконец-то удалось получить карточки. Хо-

нужно было контролировать состояние духа горожан. НКВД, обладая огромной сетью информаторов, собирал сведения о настроениях жителей города – это помогало властям быть в курсе всех событий, происходящих в городе, но реакцией на негативные высказывания некоторых ленинградцев, помимо, естественно, конструктивных мер, часто оказывались репрессивные действия.

Состояние, в котором оказались горожане, и их настроения, о которых долгие годы предпочитали не говорить, в какой-то мере можно ощутить, познакомившись с выдержками из одного, некогда совершенно секретного документа. Вот фрагменты из спецсообщения № 10042 Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду от 12 января 1942 года:

Начиная с третьей декады декабря месяца 1941 года, продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются.

Кроме хлеба (350 грамм рабочим и 200 грамм служащим)*, население **никаких других продуктов не получает** (здесь и далее выделено мной – В. Н.).**

В связи с продовольственными затруднениями, среди населения, особенно за последнее время,

дил за ними 5 раз, сделал пешком 60 км (12x5=60). Хлеб получил сразу за три дня.

Хорошо, что было издано распоряжение о выдаче хлеба за 1-ое февраля. Ведь обычно хлеб не выдают, если он не получен в срок, указанный в карточке.

9 февраля

На днях, после полуторамесячного перерыва, начали работать бани. Попасть в баню не легко. Сегодня заблаговременно занял очередь в кассу за билетами и простоял на морозе 4 часа, с 8-ми утра до 12 час. дня. Получив билет, стоял больше часа в другой очереди, ждал, когда впустят в баню...¹

Это лишь некоторые детали, касавшиеся конкретного человека, рядового горожанина, волею судеб оказавшегося один на один с массой трудностей, которые надо было преодолевать ежедневно. Но город – это миллионы людей, громадное хозяйство, в котором нужно поддерживать жизнь: снабжать продовольствием, решать множество бытовых вопросов и, наконец, в условиях военного времени

увеличились отрицательные и антисоветские настроения.

Художник ОНОПКОВ говорит:

“...К 15 января я припас себе полстакана гороху, кусок ветчины, табаку на несколько трубок. Придет 15 число, сделаю обед, выкурю несколько трубок и... впрысну себе морфия. Я не могу допустить, чтобы моя жена и мать смотрели, как я медленно умираю”.

Профессор Военно-Механического института МАЛИС:

“...Вряд ли в ближайшее время будет прорвана блокада и налажен подвоз продовольствия. А это значит, что смертность населения, которая очень высока, от голода увеличится и примет характер эпидемии. Уж очень близко подпустили немцев к Ленинграду.

Здесь сказались ошибки советской власти”.

Служащий трамвайного парка им. Скороходова ЕЛЬШИН:

“...Нас кругом обманывают, а мы верим. Все обрадовались, что прибавили хлеба, а в действительности увеличение норм выдачи хлеба произошло за счет умерших от голода. Ско-

ро норму хлеба опять уменьшат, т. к. железная дорога до сих пор не очищена”.

Начальник Музейного отдела Управления культурных предприятий ТРОПЧИНСКИЙ:

“...Не нужно ожидать медленной смерти от голода, а надо набраться мужества и покончить с собой. Никаких надежд на улучшение нет. Отступление немцев носит временный характер. Весной они возьмут Ленинград”.

Инженер Управления местной промышленности ДУХОНЬ:

“...История не знает случая, чтобы город с миллионным населением пятый месяц находился в осадном положении. В Ленинграде от голода умирают тысячи людей, а руководители питаются прекрасно и не заботятся о населении.

Я уверен, что при помощи небольшой кучки людей произойдет переворот”.

Рабочий завода “Севкабель” ЕФИМОВ:

“...Люди пухнут и умирают от голода. Скоро дойдет до того, что все мы, живущие в Ленинграде, погибнем от голода.

Голодный человек на все может решиться, так

За 10 дней января 1942 г. в городе умерло 28.043 человека.

Смертность продолжает возрастать. Если за первую пятидневку января умерло 11.208 человек, то во второй пятидневке – 16.835 человек.

За 10 дней января командами медико-санитарной службы МПВО поднято на улицах города и направлено в больницы на почве истощения – 2.093 человека. За то же время скорострительно скончалось на улицах города – 1.037 человек.

В городе отмечено 77 случаев людоедства, из них только за 10 дней января 42 случая. Арестовано за людоедство 70 человек. Дела на 36 человек следствием закончены и направлены на рассмотрение Военного Трибунала. 22 человека уже расстреляны...”

Далее в тексте спецсообщения приводятся характерные факты как людоедства, так и трупоедения. Один из которых я цитирую ниже:

В общежитии ремесленного училища № 39 по Моховой улице, дом 37, проживало до 25 учеников этого училища...

Ученики были предоставлены сами себе, воспитательной работы с ними не велось, продоволь-

ему терять нечего. Не все ли равно от чего умирать – от голода или от пули. Голодные могут повернуть оружие в обратную сторону”.

Токарь завода им. Ленина, член ВКП(б) СОКОЛОВ:

“...Ни одна страна не доводила своего народа до такого голода, как у нас при советской власти, поэтому я не хочу находиться в рядах партии”.

О росте отрицательных и антисоветских настроений свидетельствуют данные военной цензуры.

Если в первой декаде декабря отрицательных сообщений зафиксировано было 3–4%, то в январе количество их возросло до 6%.

(Далее в тексте документа приводятся примеры “пораженческих настроений, высказываемых антисоветскими элементами”, а также тексты из “контрреволюционных” листовок, призывающих к “голодной демонстрации” – В. Н.)

...В связи с недостатком продовольствия в городе увеличилась смертность и заболевания среди населения. Если в течение 1940 года в Ленинграде умерло 53.821 человек, то за один декабрь 1941 г. умерло 52.612 человек.

ственными карточками на декабрь месяц обеспечены не были.

В течение декабря месяца они питались мясом убитых кошек и собак. 24 декабря, на почве недоедания, умер ученик Х., труп которого был учениками частично употреблен в пищу. 27 декабря умер второй ученик В., труп которого также был употреблен в пищу.

По обвинению в людоедстве арестовано 11 учеников, все признали себя виновными.²

Можно бесконечно приводить различные документы, в которых описаны неподдающиеся пониманию нормального человека поступки людей. Но в этом нет необходимости. Да, многое из совершённого нельзя простить, но понять нужно.

Несмотря на то, что о блокаде, как уже говорилось, написано много, всего этого недостаточно.

Долгие годы в нашей стране боялись говорить правду. Правду обо всем. Именно это и привело к тому, что народ перестал доверять властям.

До сих пор никто не опубликовал официальных цифр наших человеческих потерь во Второй мировой войне. Сталин когда-то оценил их в 7 милли-

онов. При Хрущеве всплыла страшная цифра – 20 миллионов! Но некоторые исследователи называют и вовсе апокалипсические числа – 27–30 миллионов.

Точно так же никто не обнародовал и официальных данных по блокаде. Говорят о 635 тысячах, погибших в городе от голода и при обстрелах. Именно эта цифра была названа на Нюрнбергском процессе в 1945 году. Очевидно, что это лишь приблизительная и явно заниженная цифра. Сколько же их тогда, жертв блокады? Миллион? Полтора? Два?

Известно, что еще в 1944 году А. А. Жданов создал специальную комиссию, которой поручалось произвести максимально точный подсчет жертв блокады. По мнению многих занимающихся этой проблемой, такой доклад был сделан, но никто из исследователей до сих пор его не видел. Ну а кто считал людей, которым удалось вырваться из блокадного кольца, и погибших от голода вне города?

В одном из донесений службы безопасности СД читаем:

Уже с конца октября 1941 г. кривая смертности начала резко идти вверх. От голода умирали реже,

чем от переохлаждения и желудочно-кишечных заболеваний, которые в первую очередь уносили жизни женщин и младенцев... Сокращение продовольственных норм, минимум которых пришелся на конец ноября, ослабило сопротивляемость настолько, что случаев, когда люди от усталости падали прямо на улице и быстро замерзали в снегу, не получая помощи от прохожих, стало больше. В неотопляемых квартирах умирали от голода целые семьи. Это всегда наступало в случае, если мужа переводили на казарменное положение на фабрику, а жена, не имея старших детей, которые были бы в состоянии часами стоять в очередях в службе по обеспечению продовольственными карточками, заболела.

Хотя к Рождеству хлебные нормы были немного повышены, в январе началось массовое вымирание населения. Похоронные отряды ежедневно объезжали районы города, чтобы убрать с улицы разложившиеся трупы. Во внутренних дворах больницы, на кладбищах и в других местах громоздились штабеля обледелых трупов высотой в несколько метров и длиной в 20–30 метров, так как не хва-

тало сил копать могилы в замерзшей земле. Смертность выросла с 200 до 600 и более человек в день. В феврале и марте на Волковском кладбище в замерзшей земле вырыли 4 братские могилы, которые отчетливо видны даже на аэрофотоснимках, вместимостью 30 тыс. мест каждая. На других кладбищах также подготавливались могилы огромных размеров для массовых захоронений. В Московском районе (одном из 15) в январе забирали до 250 трупов в день... В целом в течение голодной зимы в Ленинграде погибло свыше 1 млн. человек. Количество жертв от артиллерийских обстрелов и бомбежек не столь высоко и составляет всего 10 процентов.³

В приведенном отрывке есть неточности, но в целом это донесение очень емко отражает состояние первой блокадной зимы. Во время блокады об истинном положении дел не говорили по причине того, что любые сведения являлись военной тайной и могли быть использованы противником, хотя, судя по приведенной цитате, это не было никакой тайной для немецких спецслужб, имевших довольно подробное представление о ситуации в осажденном городе. Сведения об огромной смертности, особен-

но в первую блокадную зиму, встречаются практически во всех воспоминаниях и дневниковых записях ленинградцев, переживших блокаду. Как правило, называется цифра 2 миллиона погибших за 41–43 гг. По официальным данным “в 1942 году общая смертность в период блокады достигла исключительной высоты – 389,8 человек на 1000 населения”.⁴ Это означает, что в городе в 1942 году умер каждый третий человек. Не трудно прикинуть общее количество жертв. Для сравнения скажем, что в самый тяжелый в предшествующей истории нашего города 1919 год смертность составила 77,1 на 1000 человек.

После войны старались поскорее забыть о прошлом – люди не могли постоянно находиться под гнетом негативных воспоминаний. А затем началось знаменитое “ленинградское дело”, после которого боялись говорить обо всем, ибо даже те, кто выстоял против фашистов, были названы врагами народа и физически уничтожены. Про Ленинград на какое-то время вообще забыли. Это не укладывается в сознании, но это БЫЛО.

Почему же так боялись точных цифр? Может